

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ОБЗОРЫ

УДК 343.7, 343.1

В. Ф. Щепельков, Н. Г. Стойко

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ И ВИНЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ СЛУЧАЮ

Научно-консультативное заключение касается случая сопричинения вреда здоровью при отсутствии признаков соучастия. Авторы заключения используют доктринально-правовой подход. Выводы: 1) совместное оказание медицинской помощи не означает совместности в причинении вреда здоровью потерпевшего; 2) совершение ятрогенного преступления по неосторожности может быть инкриминировано обвиняемому, если он понимал, что конкретное нарушение правила способно причинить соответствующий вред здоровью потерпевшего; 3) понимание обвиняемым возможности преступного причинения вреда здоровью должно быть доказано и мотивировано. Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, сопричинение вреда здоровью, преступная неосторожность, доказывание, мотивировка, доказательства.

V. F. Schepelkov, N. G. Stoyko

PROOF OF CAUSATION AND GUILT IN IATROGENIC CRIMINAL CASES: COMMENTARY TO ONE INCIDENT

The expert opinion regards the criminal incident of the combined damage to health without legal features of the criminal co-participation. The authors use doctrinal law approach. Conclusions: 1) combined giving of the medical help does not mean the combined criminal damage to health; 2) commission of iatrogenic crime related with gross negligence maybe incriminated to offender if it was understandable for him that concrete breach of the rule may provoke the damage to health; 3) understanding of the possibility of criminal damage to health must be proved and motivated with help evidence. Refrs 6.

Keywords: iatrogenic crimes, combined malicious damage to health, criminal gross negligence, proof, motivation, evidence.

Щепельков Владислав Федорович — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; volga0@yandex.ru

Стойко Николай Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; nstoiko@mail.ru

Schepelkov Vladislav Fedorovich — Doctor of Law Science, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; volga0@yandex.ru

Stoyko Nikolay Gennadievich — Doctor of Law Science, Professor, St. Petersburg State University 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; nstoiko@mail.ru

Для научно-консультативного заключения представлены: копия приговора суда, копия экспертного заключения, копия акта судебно-медицинского исследования, копии протоколов судебных заседаний, копия кассационного определения.

Вопросы, поставленные на разрешение

1. Имеется ли причинная связь между действиями Н. и наступлением тяжкого вреда здоровью С. при установленных судом обстоятельствах?

2. Есть ли неосторожная вина в действиях Н. по отношению к наступившему тяжкому вреду здоровью С. при установленных судом обстоятельствах?

3. Имеется ли в действиях Н. состав преступления, предусмотренный п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ при установленных судом обстоятельствах?

4. Является ли существенным нарушением уголовного закона отсутствие в приговоре по делу Н. обоснования всех признаков неосторожной вины и отсутствие в нем конкретизации вида неосторожности как формы вины?

5. Влияет ли данное нарушение на исход уголовного дела и какие процессуально-правовые последствия влечет за собой?

6. Можно ли рассматривать в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшего на исход уголовного дела, отсутствие в приговоре уголовно-правового обоснования (мотивировки) неосторожной вины Н., а также отсутствие в нем конкретизации вида неосторожности как формы вины?

Ответ на вопрос № 1

В соответствии с представленными материалами уголовного дела квалификация действий Н. основана на следующих установленных фактах.

Врачом акушером-гинекологом Н. и акушеркой В., совместно принимающими роды, была оказана медицинская помощь в родах с нарушениями тактики и техники ведения родов на завершающем этапе потужного периода — периода изгнания плода. При этом Н., ведущая роды, произвела давление на дно матки роженицы в период изгнания плода, а В. при затрудненном выведении головки и плечевого пояса оказала неадекватное акушерское пособие — тракцию (потягивание) и ротацию (поворот) головки плода и в связи с трудностью при выведении плечиков тракцию за левое плечо плода, что является дефектом оказания медицинской помощи.

В результате родился живой доношенный ребенок — С. с повреждением правого верхнего пучка плечевого сплетения — парез Эрба справа. Данная травма по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на 1/3 (стойкая утрата общей трудоспособности 40 %) квалифицируется как тяжкий вред здоровью, причиненный по неосторожности Н. и В.

Судом было установлено, что услуга оказывалась совместно, общественно опасное последствие наступило в результате совместных действий, но при этом суд не установил признаков соучастия. Таким образом, суд признал, что имело место сопричинение вреда без признаков соучастия, когда общественно опасное последствие наступает в результате действий нескольких лиц и при этом каждое из указанных действий является необходимым элементом в цепи развития причинной связи.

Оценка содеянного как причинения вреда по неосторожности предполагает, что существует причинная связь между действиями каждого из сопричинителей и наступлением общественно опасных последствий. В данном случае это означает, что должна быть установлена связь между надавливанием на живот роженицы и наступлением тяжкого вреда здоровью в виде пареза Эрба.

Представленные для экспертизы материалы не оставляют сомнения в том, что:

- 1) тяжкий вред явился следствием действий по оказанию медицинской помощи;
- 2) повреждение правого плечевого сплетения возможно при развороте плечиков не в ту сторону, повороте головки плода влево и тракции ребенка вниз при находящемся правом плечике в сочленении лонных костей.

Согласно заключению экспертов тяжкий вред был причинен совместными действиями врача акушера-гинеколога и акушерки. На основании этого вывода суд признал наличие причинной связи между действиями Н. и наступлением тяжкого вреда здоровью С.

Вывод экспертов о том, что причиной пареза Эрба были совместные действия врача и акушерки, касается «медицинской стороны» вопроса о причинной связи. Сам по себе он не предопределяет наличие юридически значимой связи между действиями отдельного лица и наступлением общественно опасных последствий. Вопрос о наличии юридически значимой связи — это вопрос, ответ на который дается при юридической квалификации содеянного. Это отразили в своих ответах и эксперты. Они указывают, что между оказанием медицинской помощи в момент родовспоможения совместно врачом акушером-гинекологом и акушеркой и полученными телесными повреждениями и, следовательно, вредом здоровью С. имеется причинно-следственная связь. В то же время относительно наличия такой связи между действиями врача и наступившими последствиями и связи между действиями акушерки и наступившими последствиями эксперты отвечать отказались, ссылаясь на то, что данный вопрос не относится к компетенции судебно-медицинской экспертизы.

Действительно, Н. оказывала услугу родовспоможения совместно с акушеркой. Но совместное участие в оказании услуги еще не значит совместное совершение преступления. Н. должна отвечать только за те последствия, которые находятся в причинной связи с ее собственными действиями.

Непосредственной причиной последствий в виде пареза Эрба явились действия, которые предпринимала акушерка В. (тракция и ротация). Согласно правилам акушерства недопустимо вращениями головки содействовать внутреннему повороту плечиков [1]. Ситуация, когда плечики самостоятельно не рождаются, является типичной, и для этого случая предусмотрен алгоритм действий акушерки [2, с. 163].

То, что надавливание на живот роженицы по времени предшествовало неправомерным действиям акушерки и наступившим общественно опасным последствиям, еще не значит, что между надавливанием на живот и наступившими последствиями имеется юридически значимая связь. «После этого» еще не значит «вследствие этого». Неправомерность надавливания на живот во время родов само по себе также не предрешает вывод о том, что все неблагоприятные последствия, которые наступают в результате родовспоможения, находятся в причинной связи с надавливанием на живот.

Если предположить, что врач не надавливала на живот и тем самым не ускорила процесс родов, не нарушала биомеханизм родов, то действия акушерки (тракция и ротация) все равно привели бы к парезу Эрба. Правильно действовала в сложившейся ситуации Н. или нет, не влияет при совершенных В. действиях на наступление общественно опасных последствий. Надавливание на живот порождает риски

иной разновидности вреда здоровью, а не парез Эрба. Никто из экспертов не смог привести примера из медицинской практики, когда надавливание на живот привело бы к такому виду тяжкого вреда здоровью, как парез Эрба. Однако все эксперты согласились с тем, что парез Эрба — это результат тракции и ротации.

Также следует отметить, что действия Н. не вынуждали акушерку отступить от стандарта оказания медицинской помощи, свои действия по повороту головы новорожденного В. предпринимала сама без указания и без согласия врача. Действия Н не обуславливали нарушение правил оказания медицинской помощи, допущенное В.

Пленум Верховного Суда РФ не разъясняет в своих постановлениях особенности установления причинной связи при сопричинении вреда. С данным явлением относительно часто приходится сталкиваться по делам об автотранспортных преступлениях. Одной из показательных ситуаций является управление автомобилем сразу двумя лицами — курсантом и инструктором. Согласно сложившейся практике, если курсант пренебрег указаниями инструктора и грубо нарушил правила дорожного движения, он подлежит ответственности. Инструктор в такой ситуации не несет уголовной ответственности за действия курсанта.

В нашем случае юридически схожая ситуация. Н. руководила действиями В. и отвечала за прием родов. В то же время есть ряд действий, которые акушерка производит самостоятельно без указания врача. В. грубо нарушила правила оказания акушерского пособия именно при выполнении самостоятельных действий, и это привело к тяжкому вреду здоровью. Несмотря на то что Н. тоже нарушила установленный порядок действий, тем не менее ее действия не обусловили нарушения, допущенного В., а потому и не повлекли парез Эрба.

Изложенное позволяет заключить, что между действиями Н. и наступившим вредом здоровью С. в виде пареза Эрба отсутствует юридически значимая связь. Причиной указанного последствия явились действия акушерки.

Ответ на вопрос № 2

Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья, повлекшее по неосторожности тяжкий вред здоровью потерпевшего, является преступлением с двумя формами вины. В результате действий, образующих состав самостоятельного умышленного преступления (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья), наступают по неосторожности последствия в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Суд пришел к выводу, что имело место умышленное применение запрещенного метода при оказании медицинской услуги, который представляет опасность для жизни и здоровья. Также суд пришел к выводу, что последствия в виде тяжкого вреда здоровью С. причинены по неосторожности.

Таким образом, формально в приговоре воспроизведена формула вины, предусмотренная в диспозиции п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ (в редакции Федерального закона № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 г.)¹: умысел по отношению к общественно опасному деянию и неосторожность по отношению к общественно опасным последствиям. В то же время квалификация содеянного как преступления с двумя формами вины

¹ http://www.consultant.ru/?utm_source=sps (дата обращения: 10.09.2015).

требует помимо указания на неосторожность еще и определения вида неосторожности. В ст. 26 УК РФ предусмотрены два вида неосторожной вины: легкомыслие и небрежность.

Согласно ст. 26 УК РФ:

— преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий;

— преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Формальное отсутствие определения вида неосторожности является нарушением правил квалификации преступления, поскольку именно признаки неосторожной вины входят в предмет доказывания. При отсутствии конкретизации вида неосторожности и установления признаков легкомыслия или небрежности квалификация преступления как совершенного с двумя формами вины не может быть признана основанной на законе.

В то же время в приговоре частично предпринята попытка дать оценку субъективной стороны совершенных Н. действий. В приговоре сказано, что Н. и В., действуя умышленно, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, выбрали и применили неправильную тактику ведения родов. При этом суд принял во внимание, что Н. и В. в ходе судебного разбирательства заявляли, что травма парез Эрба достаточно часто встречается, хорошо изучена и описана в литературе, т. е. в момент совершения общественно опасных действий они были достоверно осведомлены о том, что тактика и техника ведения родов, выбранные ими, не отвечают требованиям безопасности жизни и здоровья роженицы и новорожденного и приводят в том числе и к возникновению травмы в виде пареза Эрба.

Представленные выводы суда не позволяют идентифицировать вид неосторожности, который имел в виду суд, определяя неосторожную вину.

Отмечая формальную неопределенность приговора в части установления вида вины, следует отметить и наличие серьезных сомнений содержательного характера в неосторожной вине Н. по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью.

Суд отметил, что Н. предвидела возможность наступления пареза Эрба. Этот вывод основывается на знании Н. о том, что такое последствие в принципе может наступить, если неправильно избрать тактику ведения родов.

Данная аргументация несостоятельна. Для того чтобы констатировать предвидение Н. последствий в виде пареза Эрба, недостаточно установить, что она просто знала о том, что такое парез Эрба и что он является неблагоприятным исходом при родовспоможении. Уголовный закон требует, чтобы при легкомыслии лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий от своих действий.

Ни в научной литературе, ни экспертами не приведено примеров, когда парез Эрба наступил в результате надавливания на живот. Судом не был установлен и факт того, что Н. известны случаи, когда надавливание на живот приводит к парезу Эрба. Поэтому, даже если представить, что между действиями Н. и наступлением тяжкого вреда здоровью С. есть причинная связь, то Н. не могла предвидеть

наступления пареза Эрба от своих действий. Объективных данных о том, что Н. могла предвидеть такое развитие причинной связи, судом не установлено.

Также Н. не предвидела тракции и ротации, совершенных В., которые непосредственно причинили парез Эрба. Следовательно, легкомыслие как вид неосторожности в действиях Н. отсутствует, поскольку она не предвидела, что в результате ее действий наступит парез Эрба.

Проблематичным является и вывод о наличии небрежной вины в действиях Н., поскольку она не должна была и не могла предвидеть, что В. совершит действия, запрещенные при оказании акушерского пособия.

С учетом изложенного необходимо заключить, что при установленных судом обстоятельствах в действиях Н. нет неосторожной вины как признака субъективной стороны преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ (в редакции Федерального закона № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 г.).

Ответ на вопрос № 3

Состав преступления, предусмотренного в п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ (в редакции Федерального закона № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 г.), является материальным. Объективная сторона преступления характеризуется:

— общественно опасным действием в виде производства, хранения, перевозки, сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерной выдачи или использования официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности;

— общественно опасным последствием в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшего;

— наличием причинной связи между указанным общественно опасным действием и общественно опасным последствием.

Из первых двух ответов следует, что между действиями Н. и наступившим тяжким вредом здоровью С. отсутствует причинная связь. Из этих ответов также следует, что в отношении наступившего вреда здоровью отсутствует вина.

В связи с этим на вопрос о том, содержится ли в действиях Н. состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ (в редакции Федерального закона № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 г.), — оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, при установленных судом обстоятельствах следует дать отрицательный ответ.

Ответы на вопросы № 4, 5 и 6

Поставленные на разрешение правовые вопросы лежат в плоскости конституционно гарантированных и международно признанных прав на защиту и презумпцию невиновности (ст. 45, 49 Конституции РФ, ст. 6 Европейской конвенции по правам человека). Указанные права относятся к числу неотчуждаемых основных прав и свобод человека, принадлежащих ему от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение соответствующих законов (ст. 18 Конституции РФ).

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, т. е. соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона и основываться на правильном применении уголовного закона.

В соответствии со ст. 299 УПК РФ приговор является основанным на правильном применении уголовного закона, если (в частности) преступление, в котором обвиняется подсудимый, правильно квалифицировано (с указанием на конкретный пункт, часть и статью УК РФ), установлена его вина в совершении этого преступления (п. 3, 4 части первой), а также определены его роль и степень участия в совершенном деянии (часть третья).

При этом решение любого из перечисленных в ст. 299 УПК РФ вопросов должно быть обосновано судом в описательно-мотивировочной части приговора, в том числе относительно формы вины, мотивов, целей и последствий признанного доказанным преступного деяния (п. 1 ст. 307 УПК РФ), а также роли и участия в нем подсудимого (как следует из п. 5 ст. 307 УПК РФ).

Смысл этих норм состоит в предоставлении обвиняемому возможности защищаться от выдвинутого против него уголовного обвинения на протяжении всего уголовного процесса.

В контексте ст. 45 Конституции РФ рассматриваемые нормы представляют собой одну из гарантий государственной защиты названных прав человека, без которой обвиняемый не может использовать ни один из установленных способов защиты [3, с. 202–208].

В контексте ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, являющейся в силу ст. 15 Конституции РФ составной частью ее правовой системы, — это одна из так называемых минимальных процедурных гарантий защиты обвиняемого, призванных обеспечить соблюдение принципа состязательности, с тем чтобы обвиняемый не оказался один без средств защиты в тот момент, когда его положение оказывается существенно стесненным действиями государственных органов, основанными на обвинениях против него [4, с. 94; и др.].

С одной стороны, содержание анализируемых норм заключается в реализации права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, путем информирования его об инкриминируемом ему деянии (фактических обстоятельствах и юридических признаках) и обосновывающих его совершение доказательствах. С другой стороны, эти нормы свидетельствуют о необходимости приведения доводов и аргументов, лежащих в основании уголовного обвинения (мотивировке обвинительных решений, в особенности судебных) и подтверждающих его справедливость.

Как неоднократно подчеркивал Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), практика хорошего осуществления правосудия (справедливого судебного разбирательства) означает, что «судебные решения должны указывать достаточным образом мотивы, на которых они основываются» (§ 26 постановления ЕСПЧ по делу *Garcia Ruiz*) [5, с. 421–422].

Суть подразумеваемого здесь права на справедливое судебное разбирательство заключается в том, что обвиняемый считается невиновным на протяжении всего уголовного процесса, и именно поэтому ему гарантируется право на защиту от тех, кто его обвиняет, а к обвинению (в том числе в форме приговора) предъявляется требование законности и обоснованности. Иначе говоря, по смыслу и содержанию толкуемых норм УПК РФ, определяемому правами на защиту и презумпцию невиновности, информация, излагаемая в обвинительном приговоре, должна быть точной, подробной и понятной настолько, чтобы гарантировать обвиняемого от необоснованного обвинения и судебского произвола. В связи с этим

обвинительный приговор (равно как и иные обвинительные решения) не просто выполняет важную информационную функцию, а выступает в качестве необходимого условия введения в действие совокупности процессуальных прав, корреспондирующих праву на защиту по уголовному делу.

Толкование требований, предъявляемых к уголовному обвинению вообще и обвинительному приговору в частности, в российской судебной практике является единообразным и в обобщенном виде сводится к следующему.

Уголовное обвинение должно быть:

— персонафицированным, т. е. указывать на конкретное лицо или лица, привлекаемые к ответственности (осуждаемые) (п. 2 ч. 1, ч. 3 ст. 299 УПК РФ);

— индивидуализированным, т. е. давать описание каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, и каждого признака преступления, вменяемого обвиняемому (п. 1–4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ);

— конкретизированным, т. е. характеризовать (в максимально сжатой форме) каждое конкретное действие (эпизод), совершенное обвиняемым (п. 1 ч. 1, ч. 2, 3 ст. 299, п. 1, 2 ст. 307 УПК РФ).

Верховные Суды СССР, РСФСР и РФ неоднократно обращали внимание на недопустимость игнорирования вышеуказанных требований, рассматривая это как существенное нарушение процессуального закона. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 апреля 1987 г. № 1 (в редакции от 21 декабря 1993 г.) «Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел» (п. 2) нарушением закона признаются случаи, «когда обвиняемому вменяется совершение нескольких преступлений, подпадающих под действие разных статей уголовного закона, однако... не указано, какие конкретные действия вменяются обвиняемому по каждой из статей уголовного закона либо не разграничены действия участников преступления»². В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» (п. 13) к числу нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих лишение или стеснение гарантированных УПК прав участников процесса, также относят случаи, когда «не указаны статья УК, часть или пункт статьи, конкретные действия обвиняемого, либо при совершении нескольких преступлений не дана правовая оценка каждому из них и др.»³. Иными словами, приговор будет справедливым, если дана правильная и мотивированная квалификация содеянного и вопрос о наказании решен в меру виновности подсудимого в соответствии с уголовным законом (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре»)⁴.

Следует заметить, что актуальность приведенных выше руководящих разъяснений несомненна и в настоящее время, по крайней мере в смысле ст. 389.17, 389.18, 401.15, 412.9 УПК РФ, позволяющих рассматривать перечисленные выше нарушения в качестве существенных ошибок, которые могли повлиять на исход дела и потому должны повлечь за собой отмену или изменение судебного решения.

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7573/ (дата обращения: 10.09.2015).

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25283/ (дата обращения: 10.09.2015).

⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25283/ (дата обращения: 10.09.2015).

Не случайно практически во всех научно-практических комментариях к УПК РФ, в научной и учебной литературе специально подчеркивается существенность данных нарушений [6, с. 44, 315–317, 356; и др.].

Иначе говоря, применение ст. 299 УПК РФ всегда означает конкретное обвинение конкретного лица в конкретных действиях по конкретному составу преступления. Следовательно, обвинение одного лица должно отличаться от обвинения другого лица, быть индивидуально неповторимым и в этом смысле указывать на конкретные действия, совершенные данным лицом, его роль и степень участия в преступлении.

Таким образом, учитывая изложенную в ответах на первые три вопроса ситуацию, можно прийти к выводу, что отсутствие в приговоре по делу Н. обоснования всех признаков неосторожной вины и отсутствие в нем конкретизации вида неосторожности как формы вины является прямым игнорированием конкретных предписаний ст. 299 и 307 УПК РФ, свидетельствующим о неправильном применении или несоблюдении требований уголовного и уголовно-процессуального закона и повлиявшим на исход уголовного дела:

— без конкретизации вида неосторожности — легкомыслие или небрежность — нельзя решить вопрос об индивидуализации наказания, без определения виновного причинения вреда — вопрос о наличии состава преступления;

— без мотивированности приговора — нельзя гарантировать обвиняемого от судебного произвола и необоснованного обвинения.

Правовые выводы

1. Между действиями Н. и наступившим вредом здоровью С. в виде пареза Эрба отсутствует юридически значимая связь.

2. В действиях Н. нет неосторожной вины как признака субъективной стороны преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

3. Действия Н. не подпадают под состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

4. Осуждение Н. является существенным нарушением уголовного закона в смысле ст. 389.18, 401.15, 412.9 УПК РФ, влекущим за собой изменение или отмену приговора.

5. Осуждение Н. привело к неоправданному ограничению ее права на защиту и презумпцию невиновности и является существенным нарушением уголовно-процессуального закона в смысле ст. 389.17, 401.15, 412.9 УПК РФ, влекущим за собой изменение или отмену приговора.

Литература

1. Жилиев Н. И., Жилиев Н. Н., Сопель В. В. Акушерство. Фантомный курс. Киев: Книга плюс, 2002. 240 с.

2. Айламазян Э. К. Акушерство. СПб.: Спецлит, 2003. 529 с.

3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю. В. Кудрявцева. М.: Правовая культура, 1996. 552 с.

4. Домьен Г., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Московский независимый институт международного права, 1998. 600 с.

5. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1072 с.

6. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д.: Феникс, 2015. 445 с.

References

1. Zhiliaev N. I., Zhiliaev N. N., Sopol' V. V. *Akusherstvo. Fantomnyi kurs* [Obstetrics. Phantom course]. Kiev, Kniga plius Publ., 2002. 240 p. (In Russian)
2. Ailamazian E. K. *Akusherstvo* [Obstetrics]. St. Petersburg, 2003. 529 p. (In Russian)
3. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Ed. by Iu. V. Kudriavtsev. Moscow, Pravovaia kul'tura Publ., 1996. 552 p. (In Russian)
4. Dom'en G., Kharris D., Zvaak L. *Evropeiskaia konventsiiia o pravakh cheloveka i Evropeiskaia sotsial'naia khartiia: pravo i praktika* [European Convention on Human Rights and the European Social Charter: the law and practice]. Moscow, Moskovskii nezavisimyi institut mezhdunarodnogo prava, 1998. 600 p. (In Russian)
5. De Sal'via M. *Pretsedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Precedents of the European Court of Human Rights]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press, 2004. 1072 p. (In Russian)
6. *Ugolovnyi protsess: uchebnik dlia bakalavriata iuridicheskikh vuzov* [Criminal Procedure: textbook for undergraduate law schools]. Eds O. I. Andreeva, A. D. Nazarov, N. G. Stoyko, A. G. Tuzov. Rostov n/D., 2015. 445 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2015 г.